

Резервные фонды в регионах России: факторы учреждения и оценка эффективности

Евгений Николаевич Тимушев

E-mail: timushev-en@ranepa.ru, ORCID: 0000-0002-5220-3841

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация;
Коми научный центр Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар,
Российская Федерация

Вита Александровна Яговкина

E-mail: yagovkina-va@ranepa.ru, ORCID: 0000-0001-5448-9508

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация

Цель исследования — определить основные характеристики резервных фондов субъектов Российской Федерации, факторы их учреждения и эффективность с точки зрения проведения регионами контрциклической бюджетной политики. В теории резервные фонды выполняют функции не только источника дополнительных бюджетных средств, но и инструмента антикризисной политики и обеспечения финансовой устойчивости. На практике же резервные фонды регионов России не выполняют обозначенные задачи, а число публикаций по их состоянию и роли в бюджетной системе крайне ограничено. Это обуславливает актуальность данного исследования.

В ходе анализа установлено, что резервный фонд субъекта как публично-правового образования предусмотрен лишь примерно в половине регионов России и во многом их учреждение совпало с восстановительным ростом после кризиса 2009–2010 гг. Теоретическим положениям соответствует и то, что резервный фонд имеют субъекты, экономика которых в большей степени зависит от отрасли добычи полезных ископаемых, с более высокой бюджетной обеспеченностью, менее дотационные и с меньшим уровнем долга. В то же время высокую бюджетную обеспеченность или долговую устойчивость региона вряд ли можно считать факторами создания резервных фондов.

Построена модель оценки эффективности резервных фондов регионов России с точки зрения проведения регионами контрциклической бюджетной политики. Сделан вывод, что резервные фонды регионов в текущем виде неэффективны в сглаживании региональных расходов и сохранении общей бюджетной устойчивости. Тем не менее в изучаемой теме остается еще много вопросов, включая применение альтернативных спецификаций модели оценки эффективности резервных фондов и техники оценки. По итогам работы сформулированы направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: контрциклическая бюджетная политика, финансовая устойчивость, межбюджетные отношения, региональное законодательство, комбинированная переменная, дамми-переменная, резервные фонды

JEL: H61, H72, H77

Финансирование: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных в рамках государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Тимушев Е. Н., Яговкина В. А. Резервные фонды в регионах России: факторы учреждения и оценка эффективности // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 5. С. 61–78.
<https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-5-61-78>.

© Тимушев Е. Н., Яговкина В. А., 2023

<https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-5-61-78>

Reserve Funds in Russian Regions: Factors of Formation and Efficiency Assessment

Evgeny N. Timushev^{1,2}, Vita A. Yagovkina³

^{1,3} RANEPa, Moscow, Russian Federation

² Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation

^{1,2} timushev-en@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5220-3841>

³ yagovkina-va@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5448-9508>

Abstract

The article considers the main characteristics of the Russian Federation subjects' reserve funds analyzes the factors of their formation and assesses their effectiveness through the lens of the regions' countercyclical fiscal policy. In theory, reserve funds serve not only as a source of additional budgetary funds, but also as an instrument of anti-crisis policy and financial stability. In practice, the reserve funds of Russian regions are believed not to fulfill the designated tasks, although the number of relevant studies is extremely limited. The latter determines the relevance of this study. The authors establish that the regional reserve fund of the subject as a public-law entity was established only in about half of the Russian regions and in many respects their creation coincided with the recovery growth after the crisis of 2009–2010. The theoretical provisions are also consistent with the fact that on average the reserve fund is owned by the entities whose economy is more dependent on the mining industry, has greater fiscal capacity, is less subsidized and has a lower level of debt. At the same time, greater fiscal capacity or debt sustainability can hardly be considered as factors in the creation of reserve funds. A number of models are constructed to assess the effectiveness of reserve funds of Russian regions from the point of view of countercyclical fiscal policy. It is concluded that reserve funds in their current form are ineffective for smoothing regional expenditures and maintaining overall fiscal stability. Nevertheless, many questions remain in this topic, including alternative model specifications and evaluation techniques. Based on the results obtained, the directions for further research are formulated.

Keywords: countercyclical fiscal policy, financial stability, intergovernmental fiscal relations, regional legislation, interaction variable, dummy variable, reserve funds

JEL: H61, H72, H77

Funding: the manuscript is based on the results of research carried out within the framework of the RANEPa state assignment.

For citation: Timushev E.N., Yagovkina V.A. (2023). Reserve Funds in Russian Regions: Factors of Formation and Efficiency Assessment. *Financial Journal*, 15 (5), 61–78 (In Russ.).
<https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-5-61-78>.

© Timushev E.N., Yagovkina V.A., 2023

ВВЕДЕНИЕ

Одной из основ механизма обеспечения макроэкономической стабильности, долговой и в целом финансовой устойчивости в бюджетной системе является институт резервных фондов. Его удобно рассматривать как наиболее «институционализированную» форму сбережений публично-правовых образований [Buerger et al., 2022] — со строгими правилами формирования и расходования и четко выраженной целью обеспечения стабильности государственных финансов. Отсюда и задача резервных фондов (*budget stabilization funds, rainy day funds*) определяется как создание фонда средств, достаточного для обеспечения возможности проведения контрциклической бюджетной политики на этапе кризиса [IMF, 2018]. С прагматической же точки зрения резервные фонды как источники дополнительных средств просто необходимы в случае резкого падения доходов или потребности в осуществлении расходов.

О том, что политика бюджетных расходов на региональном уровне в России носит выраженный проциклический характер, свидетельствуют результаты исследования, выполненного Е. Т. Гурвичем и Н. А. Краснопеевой [Гурвич, Краснопеева, 2020]. В свою очередь, резервные фонды субъектов Российской Федерации на практике являются скорее видом финансовых вложений, чем инструментом регулирования финансовой устойчивости [Михайлова, Яговкина, 2020]. Таким образом, потенциал самостоятельной антикризисной политики в регионах России практически не используется. Несмотря на это, в отечественной литературе, как ни странно, внимание почти полностью уделяется федеральному резервному фонду и федеральным бюджетным правилам, нежели их региональным аналогам. Работы на тему региональных бюджетных правил и резервных фондов редки. Например, А. Л. Кудриным и А. Н. Дерюгиным показано, что федеральное регулирование региональных бюджетных правил более эффективно проводить, учитывая уровень долга и долговую устойчивость региона в целом, а не его дотационность [Кудрин, Дерюгин, 2018].

Тема резервных фондов заслуживает большего внимания со стороны экспертного сообщества, так как от эффективности механизма резервных фондов зависит эффективность региональной контрциклической политики и степень финансовой устойчивости региона. Кроме этого, формирование и использование резервных фондов стимулирует заинтересованность в разработке собственных инструментов антикризисной бюджетной политики и рост самостоятельности публично-правового образования. Это будет содействовать росту эффективности не только региональных и муниципальных финансов, но и распределения бюджетных средств по уровням бюджетной системы в целом.

Цель данной работы — определение характеристик резервных фондов субъектов Российской Федерации, факторов их учреждения и эффективности с точки зрения контрциклической бюджетной политики регионов.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В отечественной научной литературе исследование резервных фондов сосредоточено на федеральном уровне бюджетной системы. Основной темой исследований является механизм бюджетных правил в условиях зависимости от внешней ценовой конъюнктуры, его элементы и эффекты с точки зрения поддержания макроэкономической стабильности [Гурвич, Соколов, 2016; Кудрин, Соколов, 2017]. Интересны и исследования о месте России как субъекта в глобальных финансовых институтах, одной из главных целей которых является не только национальная, но и региональная международная финансовая стабильность [Vinokurov, 2021; Golovnin, Ushkalova, 2021]. Резервные фонды как институт финансовой стабильности на уровне субъектов Российской Федерации изучаются редко, и комплексных работ по этой теме, насколько нам известно, не создано.

Тема контрциклической политики в регионах в контексте института резервных фондов субъектов, за редким исключением [Изотова, 2020; Сухарев, 2010], обычно и вовсе не затрагивается.

На *региональном* уровне в мировой экономической науке можно выделить несколько направлений и методологических подходов к исследованию резервных фондов бюджетных средств.

Во-первых, на рубеже 1980–1990-х гг. и позднее стало появляться большое число работ на тему роли межбюджетных отношений в страховании потерь доходов в экономике в целом в периоды экономического кризиса. В частности, анализировалась способность системы межбюджетных отношений абсорбировать шоки доходов через выполнение стабилизационной функции и механизм распределения рисков. Подобные вопросы раскрыты в работах [van Wincoop, 1994, 1995; Del Negro, 1998; Crucini, 1999], а также в масштабном исследовании J. Mélitz и F. Zumer, которое посвящено стабилизационным функциям бюджетной системы в США, Канаде, Франции и Великобритании [Mélitz, Zumer, 2002]. Важной особенностью этих исследований является рассмотрение бюджетной системы лишь как одного из инструментов разделения рисков (*risk sharing*) и сглаживания последствий шока в периоды экономического кризиса наряду с инструментами рыночного страхования. На это обращено внимание в статье [Asdrubaliet al., 1996]. Резервные фонды в такой большой картине распределения рисков становятся как бы внутренним инструментом управления ликвидностью и перераспределения средств. Примечательно, что распределение рисков общей экономической системы в таком контексте рассматривается как преимущество федеративного устройства [Fatas, 1998], а без широты субнациональных полномочий невозможно и эффективное функционирование региональной бюджетной системы. В одном из недавних исследований, например, доказана эффективность фондов Европейского союза в прохождении кризисов начиная с 2000 г. в рамках «Политики сплочения» (*Cohesion Policy*) [Giua et al., 2023].

Во-вторых, в сфере институциональных исследований изучаются факторы создания резервных фондов и их целесообразность в соответствующем контексте — в зависимости от исторических условий [Douglas, Gaddie, 2002], достижений цели «зеленого» перехода [Georgiou, 2023] и того или иного политического режима в государстве [Eldredge, Fails, 2022]. В данном случае необходимо отметить метаанализ темы региональных резервных фондов, проведенный в работе [Wang, 2002], показавший в среднем положительную роль наличия фондов с точки зрения формирования сбережений и готовности правительства к фискальному стрессу.

В-третьих, все более популярным становится анализ факторов и условий обеспечения бюджетной резилиентности — по-другому, стойкости бюджетной системы региона перед негативным влиянием кризиса в краткосрочной перспективе. Бюджетная резилиентность (шокоустойчивость) здесь рассматривается как один из аспектов общей региональной резилиентности в целом [Simmie, Martin, 2010; Christopherson et al., 2010; Жихаревич и др., 2020].

В-четвертых, анализ проблем формирования и использования резервных фондов также часто осуществляется в контексте оценки степени контрциклическости параметров региональных бюджетов, что дает представление о влиянии стадии экономического цикла на региональную бюджетную систему и возможностях последней обеспечить финансирование антикризисных мер [Dye, 2004; Chernick et al., 2020]. На объем и характер использования резервных фондов и в целом средств на счетах регионального бюджета оказывают значительное влияние бюджетные правила. Анализ остатков средств в штатах США, например, показал, что бюджетные правила снижают остроту политических мотивов использования средств, что увеличивает эффективность резервных фондов [Ryu et al., 2021]. Органы власти территории, как правило, трепетно относятся к своим фондам —

отмечено, что резервные фонды ведут к росту размера баланса бюджета региона, то есть не замещают иные формы активов на балансе [Knight, Levinson, 1999]. В то же время эти фонды не могут быть долгосрочным источником бюджетных средств, так как привязка к циклической природе экономического развития является их определяющей чертой. Например, замечено, что даже при больших объемах средств резервных фондов становится недостаточно спустя годы после наступления кризиса в случае отсутствия полноценного восстановительного роста [Cormier, 2014]. Тем не менее нормативно-правовое регулирование и количественные параметры резервных фондов являются объектом внимания кредитных рейтинговых агентств. Следовательно, работающий механизм резервных фондов регионов выступает значимым аргументом в пользу более высокого рейтинга, а значит, и более высокой оценки бюджетной устойчивости, по крайней мере для внешнего наблюдателя.

В-пятых, с наступлением кризисных явлений, вызванных распространением коронавирусной инфекции COVID-19, стало увеличиваться число эмпирических исследований, направленных на изучение и объяснение реакции бюджетных систем на вызовы нового кризиса. Практика показывает, что при наличии значительных полномочий у администраций регионов у них, как ни странно, весьма немного стимулов к использованию средств, сформированных в резервных фондах [López-Santana, Rocco, 2021; Joysе, 2001]. Это обусловлено ожиданием финансовой помощи со стороны федерального бюджета. Но даже при жестких бюджетных ограничениях со стороны федеральной межбюджетной политики обычно возникает дилемма, что использовать как источник антикризисных расходов — резервные фонды или заимствования. В этом случае ключевым становится анализ фискального пространства, которое оценивается через размер дефицита, долга, спреда по облигациям разных государств-эмитентов [Fernández-Arias, Montiel, 2011]. В целом же практический опыт реагирования на кризис COVID-19 актуализирует статус резервного фонда как намного более эффективной альтернативы федеральным трансфертам для обеспечения финансовой устойчивости регионов и инструмента построения более устойчивой бюджетной системы в целом.

Таким образом, анализ литературы позволяет сформулировать, что резервные фонды считаются эффективным инструментом управления перераспределением бюджетных средств в рамках экономического цикла, создания условий для более эффективной антикризисной политики укрепления устойчивости бюджетной системы при одновременном снижении потребности в федеральной помощи. Как следствие, грамотное управление фондами становится одним из весомых аргументов в пользу более высоких кредитных рейтингов. В то же время почти ничего не известно ни о состоянии резервных фондов субъектов Российской Федерации, ни о факторах их учреждения, ни об их роли в практике обеспечения финансовой устойчивости и реализации межбюджетных отношений в бюджетной системе Российской Федерации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Достижение цели исследования потребовало использования целого комплекса методов и методических подходов. Их можно разделить на три группы.

Во-первых, для формирования базы данных, отражающей основные признаки резервных фондов субъектов РФ (наличие резервного фонда субъекта как публично-правового образования, его назначение и порядок формирования), выполнен подробный анализ регионального законодательства¹. Для каждого региона проанализированы региональные законы о бюджетном процессе и, в случае наличия, региональные законы о резервном

---

¹ Использовалась справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

фонде. Кроме этого, для понимания степени изученности темы резервных фондов в России выполнен анализ существующей литературы по теме. Использовались общенаучные методы, такие как анализ, системный подход, сравнение, группировка и классификация, анализ научной литературы и нормативно-правовой базы.

Во-вторых, при анализе факторов учреждения резервных фондов применяются методы группировки, сравнения, вычисления среднего значения и медианы. Необходимо отметить, что исследование мотивов учреждения фонда актуально и с точки зрения совершенствования методического сопровождения формирования резервных фондов субъектами Российской Федерации — с позиции федерального регулирования бюджетной устойчивости.

В-третьих, в рамках анализа эффективности резервных фондов применяются методы моделирования и регрессионного анализа. Так, моделируется зависимость расходов бюджетов субъектов от состояния экономики и межбюджетных отношений. Для оценки значимости резервного фонда для сглаживания колебаний региональных расходов были собраны данные по региональным расходам, валовому региональному продукту (ВРП) и федеральным межбюджетным трансфертам. Применяются три вида моделей расходов, которые были разработаны в разных работах ранее, но модифицированы нами в целях данного исследования. Каждая из моделей использует фиктивную переменную наличия резервного фонда, но с разными спецификациями модели, техникой оценки и подходом к расчету показателей.

Первая модель основывается на подходе, использованном в работе [Кудрин и др., 2023], и тестирует факт смещения коэффициента, связывающего состояние экономики и динамику расходов в случае наличия у региона резервного фонда (1).

$$\ln\left(\frac{Exp_{it}}{Exp_{it-1}}\right) = \alpha_1 * \ln\left(\frac{G_{it}}{G_{it-1}}\right) + \alpha_2 * \ln\left(\frac{G_{it}}{G_{it-1}}\right) * RDF + \alpha_3 * \ln\left(\frac{Tr_{it}}{Tr_{it-1}}\right) + \alpha_4 * Debt_{it-1} + \gamma_i + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

где Exp — расходы регионального бюджета субъекта, тыс. руб. на человека,
 G — валовой региональный продукт, тыс. руб. / число занятых в экономике,
 RDF — бинарная переменная («1», если у региона есть резервный фонд субъекта, «0» в противном случае),
 Tr — федеральные межбюджетные трансферты в адрес субъекта, тыс. руб. на человека,
 $Debt$ — долг региона на 1 января каждого года, % от налоговых и неналоговых доходов,
 γ — фиксированные эффекты региона.

Вторая модель также тестирует смещение коэффициента (2). Но техника расчета здесь — так называемые *between-оценки*, когда данные за каждый период времени для соответствующего объекта усредняются и панель превращается в набор секторальных данных (*cross sectional data*). Похожий метод применялся в [Sobel, Holcombe, 1996].

$$r(Exp_i) = \alpha_0 + \alpha_1 * r(G_i) + \alpha_2 * r(Tr_i) + \alpha_3 * r(G_i) * RDF + \varepsilon_i, \quad (2)$$

где $r(Exp)$ — темп роста расходов регионального бюджета субъекта, %,
 $r(G)$ — темп роста валового регионального продукта, %,
 $r(Tr)$ — темп роста федеральных межбюджетных трансфертов в адрес субъекта, %, α_0 — свободный член.

Третья модель похожа на первую и вторую, но отличается подходом к расчету показателей (3). Здесь вместо логарифма темпов роста учитываются бюджетные показатели

на единицу валового регионального продукта. Такая же обработка данных выполнена в [Гурвич, Краснопеева, 2020].

$$d(Exp_{it}) = \alpha_1 * d(Own_{it}) + \alpha_2 * d(Tr_{it}) + \alpha_3 * d(Own_{it}) * RDF + \gamma_i + \varepsilon_{it}, \quad (3)$$

где $d(Exp)$ — прирост расходов регионального бюджета субъекта на единицу валового регионального продукта прошлого года, измеренных в млрд руб., %, $d(Own)$ — прирост налоговых и неналоговых доходов регионального бюджета субъекта на единицу валового регионального продукта прошлого года, измеренных в млрд руб., %, $d(Tr)$ — прирост федеральных межбюджетных трансфертов в адрес субъекта на единицу валового регионального продукта прошлого года, измеренных в млрд руб., %, γ — фиксированные эффекты региона.

Особенностью всех моделей является сочетание подхода комбинированной переменной ($\ln\left(\frac{G_{it}}{G_{it-1}}\right)$ и RDF , $r(G_i)$ и RDF , $d(Own_{it})$ и RDF в формулах (1), (2) и (3) соответственно) с фиктивной переменной (RDF). Во всех трех моделях на действенность резервного фонда указывал бы отрицательный и значимый коэффициент при фиктивной переменной. Это будет означать эффективность резервных фондов в субъектах Российской Федерации с точки зрения сглаживания динамики расходов.

Техника оценки — панельная регрессия с фиксированными эффектами регионов. Расчеты осуществляются с использованием вычислительной среды R, версия 4.0.4. Используются данные за 2011–2019 гг. Значения абсолютных показателей приведены в цены 2022 г. через корректировку на индекс потребительских цен соответствующего региона.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Основные характеристики резервных фондов субъектов Российской Федерации

На уровне регионов России выделяются два вида резервных фондов: субъекта Российской Федерации и регионального высшего исполнительного органа (правительства). Резервный фонд субъекта Российской Федерации представляет собой часть средств бюджета, предназначенную для исполнения расходных обязательств субъекта в случае недостаточности доходов его бюджета². Его объем утверждается Законом о бюджете. В отличие от него резервный фонд исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации в соответствии с п. 4 ст. 81 Бюджетного кодекса Российской Федерации представляет собой часть средств бюджета, предназначенную для финансового обеспечения непредвиденных расходов. То есть речь идет о направлениях расходов, которые не были заранее известны. В данной работе объектом исследования являются резервные фонды субъектов Российской Федерации как публично-правовых образований.

Создание резервного фонда субъекта Российской Федерации предусматривается законом субъекта, за исключением Закона о бюджете³. Следуя данному правилу, можно рассчитать, что общее число регионов, в которых нормы закона однозначно определяют наличие резервного фонда публично-правового образования, по состоянию на весну 2023 г. составляет 42 — без учета тех регионов, в которых в законах о бюджетном процессе норма о резервном фонде субъекта лишь предусматривает возможность его создания, но самого фонда на практике не существует. Всего же общее число регионов с отдельным профильным законом или с соответствующей нормой в законе о бюджетном процессе составляет 49 по состоянию на весну 2023 г. (рис. 1).

² П. 2 ст. 81.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

³ Ст. 81.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Рисунок 1

Наличие резервного фонда публично-правового образования в субъекте Российской Федерации

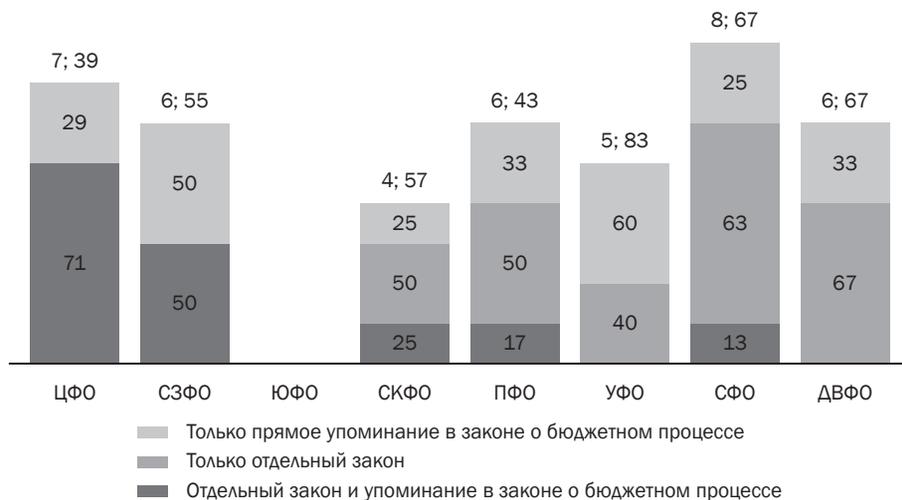

Примечание: всего резервные фонды субъекта РФ действуют в 42 регионах, выделенных темным цветом на рисунке. Источник: составлено авторами.

Наибольшее число регионов с резервными фондами субъектов располагаются на востоке России — в Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, где две трети регионов соответствующего федерального округа, а в Уральском ФО даже более двух третей регионов имеют резервный фонд публично-правового образования (рис. 2).

Рисунок 2

Распределение регионов по правовому статусу учреждения резервного фонда субъекта РФ

Примечание: всего резервные фонды субъекта РФ действуют в 42 регионах. Над столбиками указаны число регионов с резервным фондом в соответствующем федеральном округе и доля регионов с резервным фондом в общем количестве регионов, входящих в данный федеральный округ. Источник: составлено авторами по итогам анализа регионального законодательства.

Немногим более половины от всех регионов федерального округа имеют резервный фонд публично-правового образования в Северо-Западном и Северо-Кавказском федеральных

округах. В Центральном и Приволжском федеральных округах резервные фонды субъекта учреждены в относительно меньшем числе регионов. В то же время в Центральном и Северо-Западном федеральных округах в большинстве регионов информация о резервных фондах отражена как в отдельном региональном законе, так и в законе о бюджетном процессе, тогда как в восточных регионах они упоминаются преимущественно только в профильном законе субъекта.

Систематизированное нормативное правовое регулирование и собственно формирование резервных фондов началось в Российской Федерации после вступления в силу в 2000 г. Бюджетного кодекса Российской Федерации, а создание таких фондов на региональном уровне законодательно было разрешено в 2008 г.

Существенное число действующих резервных фондов в субъектах Российской Федерации (11 регионов из 42) учреждено в период 2009–2010 гг., что как раз объясняется вступлением в силу соответствующей статьи в Бюджетном кодексе Российской Федерации. Мотивом же их учреждения стала необходимость поддержания бюджетной устойчивости, исходя из опыта преодоления кризиса 2008–2009 гг., как и введение соответствующей нормы в Бюджетный кодекс Российской Федерации (рис. 3). В то же время большинство действующих резервных фондов (21 из 42 единиц) учреждено в межкризисный период 2011–2013 гг., что совпало с восстановительным периодом в экономике и происходило на фоне относительно устойчивого общего социально-экономического развития страны в целом.

Рисунок 3

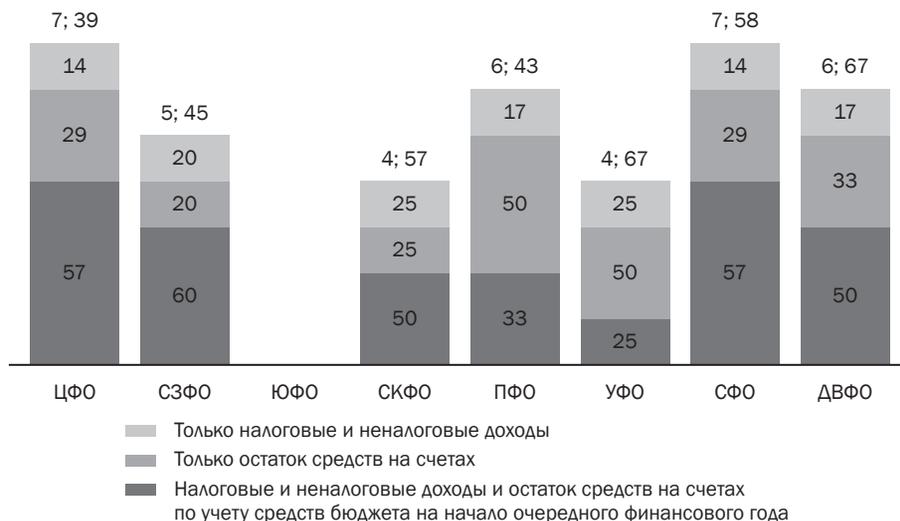

Примечание: всего резервные фонды субъекта РФ действуют в 42 регионах. Из них для Ханты-Мансийского АО год учреждения сложно определить однозначно, так как в данном регионе действие фонда не закреплено в законе, но фонд действует на практике.

Источник: составлено авторами.

Несмотря на относительную редкость, именно в Центральном и Северо-Западном федеральных округах в большинстве регионов с резервными фондами субъекта они формируются за счет как налоговых и неналоговых доходов, так и остатка средств на счетах по учету средств бюджета на начало очередного финансового года (рис. 4). Также велика доля регионов с подобной формой в Сибирском федеральном округе. В Приволжском и Уральском округах, где «двойной» способ встречается редко, наиболее распространено формирование фонда за счет исключительно остатка средств на счетах. Способ формирования фонда только за счет резкого роста налоговых и неналоговых доходов является наименее используемым.

Распределение регионов по порядку формирования резервного фонда субъекта РФ

Примечание: над столбиками указаны число регионов с резервным фондом в соответствующем федеральном округе и доля регионов с резервным фондом в общем количестве регионов, входящих в данный федеральный округ. Всего 39 регионов из 42, исключая Новгородскую и Новосибирскую области, а также Ханты-Мансийский АО. В Новгородской области резервный фонд формируется исключительно за счет экономии средств бюджета и/или сокращения расходов. В Новосибирской области действие закона о резервном фонде приостановлено до 2031 г. Данные по Ханты-Мансийскому АО не отражены на рисунке по причине того, что действие фонда однозначно не закреплено в законе.

Источник: составлено авторами по итогам анализа регионального законодательства.

Таким образом, резервный фонд субъекта как публично-правового образования предусмотрен лишь примерно в половине регионов России, причем их основная часть была создана после кризиса 2009–2010 гг., на этапе восстановительного роста, что полностью соответствует мировому опыту. В большинстве случаев источниками формирования средств резервного фонда регионов России являются незапланированный рост налоговых и неналоговых доходов в течение года и остаток средств на счетах бюджета на начало года.

Анализ факторов учреждения резервных фондов

В первую очередь можно говорить об отсутствии ярко выраженной взаимосвязи между наличием резервного фонда и уровнем бюджетной обеспеченности региона. Так, расчеты по данным на 2023 г. на основе критерия уровня дотационности (в понимании последней как доли дотаций в общих доходах за вычетом субвенций в соответствии с подходом Минфина России) показывают, что в группу регионов, имеющих резервный фонд, входит достаточно много как регионов-доноров (то есть не являющихся получателями дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности), так и высокодотационных регионов (табл. 1).

Действительно, резервный фонд субъекта есть в таких обеспеченных регионах, как Липецкая и Тульская области, Ненецкий АО, Ленинградская и Мурманская области, г. Санкт-Петербург, Нижегородская, Самарская и Свердловская области, Ямало-Ненецкий АО, Тюменская и Челябинская области, Красноярский край и Иркутская область. Аналогично, резервный фонд субъекта есть и в малообеспеченных регионах — Республике Дагестан, Чеченской Республике, Республике Тыва и Камчатском крае. Расчеты по данным на 2022 г. приводят почти к таким же результатам.

Таблица 1

**Распределение регионов по уровню дотационности в 2023 г.
в зависимости от наличия или отсутствия резервного фонда субъекта РФ**

Наличие резервного фонда субъекта	Уровень дотационности субъекта			Всего регионов, ед.
	Донор (не является получателем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности), доля регионов	Доля дотаций из федерального бюджета в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 10% собственных доходов консолидированного бюджета субъекта	Доля дотаций из федерального бюджета в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 40% собственных доходов консолидированного бюджета субъекта	
Да	44%	44%	13%	32
Нет	28%	69%	3%	32
Всего регионов, ед.	23	36	5	64
<i>Справочно: в 2022 г.</i>				
Да	44%	41%	16%	32
Нет	26%	71%	3%	34
Всего регионов, ед.	23	37	6	66

Примечание: Статус дотационности — в соответствии с приказом Минфина России от 11.11.2022 № 497 «Об утверждении перечней субъектов Российской Федерации в соответствии с положениями п. 5 ст. 130 Бюджетного кодекса Российской Федерации».

Источник: расчеты авторов.

Для сравнения: на основе критерия долговой устойчивости, который оценивается Минфином России по специальной методике, можно поделить регионы России в группах с наличием резервного фонда и без такового каждую примерно пополам (61 и 55% по данным за 2022 г.) (табл. 2). Расчеты по данным за 2021 г. приводят к аналогичным результатам. То есть примерно половину от общего числа в каждой группе регионов составляют регионы, имеющие высокий уровень долговой устойчивости.

Таблица 2

**Распределение регионов по уровню долговой устойчивости в 2022 г.
в зависимости от наличия или отсутствия резервного фонда субъекта РФ**

Наличие резервного фонда субъекта	Уровень долговой устойчивости субъекта			Всего регионов, ед.
	Высокий	Средний	Низкий	
Да	61%	39%	0%	41
Нет	55%	41%	5%	44
Всего регионов, ед.	49	34	2	85
<i>Справочно: в 2021 г.</i>				
Да	49%	46%	5%	41
Нет	48%	48%	5%	44
Всего регионов, ед.	41	40	4	85

Источник: расчеты авторов. Статус долговой устойчивости. Сайт Минфина России (https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subj/klass/).

Расчеты по общему пулу данных показывают более отчетливую картину. Согласно анализу на основе показателей, отражающих состояние бюджетной сферы, экономики и госуправления, резервный фонд имеют субъекты с большей бюджетной обеспеченностью, менее дотационные и с меньшим уровнем долга (табл. 3). Их экономика в большей степени зависит от отрасли добычи полезных ископаемых, но при этом качество госуправления в них ничем не отличается от регионов, не имеющих резервного фонда.

**Медианные значения показателей для групп регионов
в зависимости от наличия резервного фонда публично-правового образования**

Показатель	Есть ли резервный фонд субъекта Российской Федерации фактически?		
	Да	Нет (без учета Москвы)	Справочно: все регионы
Бюджет			
Уровень бюджетной обеспеченности до распределения дотаций в 2022 г., ед.	0,73	0,69	0,70
Доля налоговых и неналоговых доходов в общих доходах консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации в 2022 г., %	71,9	67,9	70,8
Доля дотаций из федерального бюджета в объеме собственных (общих за вычетом субвенций) доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации в 2022 г., %	7,3	7,7	7,6
Доля капитальных расходов в общих расходах консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации в 2021 г., %	8,3	8,4	8,4
Региональный долг на 1 января 2023 г., % от объема налоговых и неналоговых доходов 2022 г.	30,1	39,9	31,8
Экономика			
Доля отрасли Добыча полезных ископаемых в валовой добавленной стоимости, в среднем за 2018–2020 гг., %	3,3	1,3	1,6
Управление			
Рейтинг эффективности госуправления в регионе, Агентство политических и экономических коммуникаций (АПЭК), в 2022 г., ед.	0,59	0,58	0,58
Инвестиционный риск региона («РАЭК-Аналитика»), в среднем за 2018–2020 гг., ед.	0,26	0,25	0,25

Источник: расчеты авторов по данным Федерального казначейства, Минфина России; Росстата, АПЭК, «РАЭК-Аналитики».

Таким образом, при исследовании факторов учреждения резервного фонда субъекта довольно сложно проследить ту или иную явную взаимосвязь. Например, ни уровень финансовой самостоятельности (бюджетная обеспеченность, дотационность), ни степень долговой устойчивости не являются определяющими факторами, по которым можно выделить регионы с наличием резервного фонда субъекта. Следовательно, основную роль играют скрытые институциональные причины. В связи с этим в дальнейшем целесообразна экспертная группировка регионов по ряду показателей бюджетной сферы, экономики региона и качества госуправления. Это может стать первым шагом на пути исследования вопроса о дифференциации режимов федерального регулирования резервных фондов в зависимости от бюджетной обеспеченности региона.

Анализ эффективности резервных фондов субъектов

Описательная статистика используемых показателей позволяет удостовериться, что в процессе сбора первичных данных не было допущено существенных ошибок (табл. 4). Перед осуществлением вычислений из набора данных были исключены аномальные величины, согласно правилу «трех сигм», когда из расчетов исключаются величины, которые лежат вне интервала трех стандартных отклонений от среднего значения для соответствующего показателя.

Таблица 4

Описательная статистика, 2011–2019 гг.

Показатель	Обозначение	Минимум	Медиана	Среднее	Максимум
Расходы регионального бюджета субъекта, тыс. руб. на человека	<i>Exp_{it}</i>	41,4	68,5	89,7	413,2

Показатель	Обозначение	Минимум	Медиана	Среднее	Максимум
Валовой региональный продукт, тыс. руб. / число занятых в экономике	G_{it}	302,2	953,6	1146,2	6684,8
Федеральные межбюджетные трансферты в адрес субъекта, тыс. руб. на человека	Tr_{it}	0,7	25,1	30,5	112,4
Темп роста расходов регионального бюджета субъекта	$r(Exp_{it})$	70,0%	101,3%	101,5%	131,0%
Темп роста валового регионального продукта	$r(G_{it})$	82,6%	103,5%	103,8%	126,7%
Темп роста федеральных межбюджетных трансфертов в адрес субъекта	$r(Tr_{it})$	27,3%	97,0%	101,0%	216,1%
Прирост расходов регионального бюджета субъекта на единицу валового регионального продукта прошлого года, измеренных в млрд руб.	$d(Exp_{it})$	-7,5%	0,2%	0,2%	7,8%
Прирост налоговых и неналоговых доходов регионального бюджета субъекта на единицу валового регионального продукта прошлого года, измеренных в млрд руб.	$d(Own_{it})$	-3,3%	0,2%	0,2%	3,8%
Прирост федеральных межбюджетных трансфертов в адрес субъекта на единицу валового регионального продукта прошлого года, измеренных в млрд руб.	$d(Tr_{it})$	-7,6%	-0,05%	0,03%	7,8%

Примечание: абсолютные показатели учитывались в ценах 2022 г.
Источник: Федеральное казначейство, Минфин России, Росстат.

Расчеты по моделям (1) и (2) указывают на незначимость наличия резервного фонда в регионе для сглаживания динамики расходов регионального бюджета (табл. 5). Только лишь расчеты по модели (3), когда шок расходов моделируется от шока собственных доходов, обнаруживают искомый отрицательный коэффициент. Но значимость коэффициента весьма слабая, и она не неустойчива к проверке полученной оценки на робастность.

Таблица 5

Результаты оценки

Показатель	Коэффициенты для модели		
	(1)	(2)	(3)
Свободный член	-	0,56*** (0,14)	-
$\ln\left(\frac{G_{it}}{G_{it-1}}\right)$	0,25** (0,11)	-	-
$\ln\left(\frac{G_{it}}{G_{it-1}}\right) * RDF$	0,09 (0,13)	-	-
$\ln\left(\frac{Tr_{it}}{Tr_{it-1}}\right)$	0,20*** (0,04)	-	-
$Debt_{it-1}$	-0,08*** (0,03)	-	-
$r(G_i)$	-	0,19 (0,12)	-
$r(Tr_i)$	-	0,26*** (0,04)	-
$r(G_i) * RDF$	-	0,00 (0,00)	-
$d(Own_{it})$	-	-	0,67*** (0,09)
$d(Tr_{it})$	-	-	0,65*** (0,09)
$d(Own_{it}) * RDF$	-	-	-0,19* (0,11)
R^2 скоррект.	0,22	0,30	0,35
Число наблюдений	680	680	680

Примечание: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$. В скобках – стандартные ошибки (робастные относительно гетероскедастичности).
Источник: расчеты авторов.

Расчеты по построенным моделям позволяют сформулировать следующие выводы относительно роли резервных фондов в современной модели бюджетного федерализма в Российской Федерации.

С одной стороны, несмотря на относительную распространенность в законодательстве и практике бюджетной политики, резервные фонды субъектов Российской Федерации пока не стали эффективным инструментом сглаживания расходов бюджетов. Гораздо более сильное и значимое влияние на динамику расходов оказывают федеральные трансферты. Примечательно, что и сама тема контрциклической бюджетной политики в регионах России в контексте бюджетной устойчивости в целом почти не затрагивается в литературе. Аналогично, тема резервных фондов в регионах России в контексте бюджетной устойчивости плохо проработана на экспертном уровне, свидетельством чего является острый дефицит научных исследований на данную тему.

С другой стороны, резервные фонды публично-правовых образований субнационального уровня бюджетной системы Российской Федерации имеют высокий потенциал обеспечения бюджетной устойчивости, который в настоящее время не реализован, особенно на контрасте с федеральными трансфертами. Востребованность и фактическое использование в практике исполнения бюджета субъектами Российской Федерации, а также настройка под соответствующие региональные условия в целях большей эффективности зависят от тщательной проработки нормативного регулирования, в том числе на федеральном уровне. Неэффективность резервных фондов — ключевого инструмента проведения контрциклической бюджетной политики — является признаком низкой самостоятельности субнациональных органов управления и одновременно существующим резервом роста эффективности бюджетной системы в целом.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научная новизна проведенного исследования заключается в определении основных характеристик резервных фондов субъектов Российской Федерации, выработке подходов к анализу факторов их учреждения и установлению степени их эффективности. Тем самым восполнен пробел в отечественной литературе по данной теме и сделан шаг в направлении совершенствования инструментария антикризисной политики и обеспечения финансовой устойчивости на региональном уровне в России.

Установлено, что в рамках предложенной методики оценки резервные фонды регионов не эффективны в сглаживании региональных расходов и сохранении общей бюджетной устойчивости. При этом ни бюджетная обеспеченность, ни долговая устойчивость не являются факторами создания резервных фондов. Из-за неэффективности резервных фондов Федерация и регионы в целях обеспечения бюджетной устойчивости вынуждены использовать механизмы федеральной долговой и трансфертной политики. А они не учитывают формируемые у субъектов стимулы создания собственных резервов. Тем не менее в поднятой теме остается еще много вопросов, включая альтернативные спецификации модели оценки эффективности резервных фондов и техники оценки.

Кроме этого, исследования, подобные проведенному выше, сталкиваются с реальностью институциональных особенностей бюджетных систем. Нормативное регулирование и, шире, институциональное обеспечение играют если не решающую, то значительную роль в эффективности резервных фондов, особенно в кризисные периоды. Это показывают исследования крупных городов США [Wu, Shi, 2021]. Несмотря на внушительные объемы средств на счетах, расходы их бюджетов были лишены признаков стабильности в периоды падения доходов в целом за 1996–2011 гг. Это означает, что задача стабилизации местных финансов не была решена, несмотря на сформированные подушки безопасности. Более того, согласно результатам процитированной работы, часть средств, использование которых не было ограничено, вовсе несло в себе проциклическую функцию.

В связи с этим необходим дальнейший анализ различий эффектов резервных фондов в группах регионов России. Одним из способов учета институциональных факторов может выступить дифференцированный подход к федеральному регулированию резервных фондов регионов — например, на основе критериев дотационности или уровня долговой устойчивости. Следовательно, вопрос, на который еще предстоит ответить в будущих исследованиях, можно сформулировать следующим образом: «Целесообразен ли дифференцированный подход к федеральному регулированию резервных фондов регионов?» Аспектами различных потенциальных режимов регулирования могут выступить предельный размер резервного фонда, способ его формирования, направления инвестирования средств в составе активов баланса бюджета субъекта, разрешенные статьи расходов за счет средств фонда, возможность использования средств на покрытие временных кассовых разрывов и другие вопросы. Необходим и дальнейший анализ особенностей резервных фондов в отдельных субъектах Российской Федерации и их группах, мотивов их создания, а также влияния резервных фондов на состояние финансовой устойчивости и общее социально-экономическое развитие регионов.

Список источников

1. Гурвич Е. Т., Краснопева Н. А. Анализ взаимосвязи доходов и расходов российских региональных бюджетов // Вопросы экономики. 2020. № 2. С. 5–29. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-2-5-29>.
2. Гурвич Е. Т., Соколов И. А. Бюджетные правила: избыточное ограничение или неотъемлемый инструмент бюджетной устойчивости? // Вопросы экономики. 2016. № 4. С. 5–29. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-4-5-29>.
3. Жихаревич Б. С., Климанов В. В., Марача В. Г. Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3 (69). С. 4–15. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-3-1>.
4. Изотова А. Ю. Количественная характеристика использования внебюджетных фондов субъектов Федерации резервной направленности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 2. С. 39–46. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42472009>.
5. Кудрин А., Дерюгин А. Субнациональные бюджетные правила: зарубежный и российский опыт // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 1. С. 8–35. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-1-01>.
6. Кудрин А. Л., Соколов И. А. Бюджетные правила как инструмент сбалансированной бюджетной политики // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 5–32. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-11-5-32>.
7. Кудрин А. Л., Соколов И. А., Сучкова О. В. Оценка влияния бюджетных правил на цикличность государственных расходов // Вопросы экономики. 2023. № 5. С. 5–22. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-5-5-22>.
8. Михайлова А. А., Яговкина В. А. Резервные фонды как инструмент антикризисной политики // Финансы. 2020. № 9. С. 14–20. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43926171>.
9. Сухарев А. Н. Региональные стабилизационные фонды в России // Финансы и кредит. 2010. № 40 (424). С. 70–76.
10. Asdrubali P., Sorensen B. E., Yosha O. Channels of Interstate Risk Sharing: United States 1963–1990 // Quarterly Journal of Economics. 1996. No. 111 (4). P. 1081–1110. <https://doi.org/10.2307/2946708>.
11. Buerger C., Reitano V., Sorrentino C. State fiscal reserves: Supplementation and substitution over economic boom and bust years // Public Budgeting & Finance. 2022. No. 42 (1). P. 98–118. <https://doi.org/10.1111/pbaf.12311>.
12. Capitalizing on Good Times / IMF Fiscal Monitor Reports. 2018. April. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2018/04/06/fiscal-monitor-april-2018>.
13. Chernick H., Copeland D., Reschovsky A. The Fiscal Effects of the COVID-19 Pandemic on Cities: An Initial Assessment // National Tax Journal. 2020. No. 73 (3). P. 699–732. <https://doi.org/10.17310/ntj.2020.3.04>.
14. Christopherson S., Michie J., Tyler P. Regional resilience: Theoretical and empirical perspectives // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2010. No. 3 (1). P. 3–10. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsq004>.
15. Cormier C. Servicing bondholders and defaulting on basic public services: How the current recession is leading US state and local governments to forsake social protection for their residents // Studies in Political Economy. 2014. No. 93. P. 53–80. <https://doi.org/10.1080/19187033.2014.11674964>.
16. Crucini M. J. On International and National Dimensions of Risk Sharing // Review of Economics and Statistics. 1999. No. 81 (1). P. 73–84. <https://doi.org/10.1162/003465399767923836>.

17. Del Negro M. Aggregate Risk Sharing Across US States and Across European Countries. Working Paper / Yale University, 1998. URL: <http://ftp.itam.mx/pub/investigadores/delnegro/research/rkshuse.pdf>.
18. Douglas J. W., Gaddie R. K. State rainy day funds and fiscal crises: Rainy day funds and the 1990–1991 recession revisited // *Public Budgeting and Finance*. 2002. Vol. 22, No. 1. P. 19–30.
19. Dye R. F. State Revenue Cyclicity // *National Tax Journal*. 2004. No. 57 (1). P. 133–145. <https://doi.org/10.17310/ntj.2004.1.07>.
20. Eldredge C. D., Fails M. D. When do Autocrats Create Sovereign Wealth Funds? // *Political Research Quarterly*. 2022. No. 76 (2). P. 869–881. <https://doi.org/10.1177/10659129221119204>.
21. Fatas A. Does EMU need a fiscal federation? // *Economic Policy*. 1998. No. 13 (26). P. 164–203. <https://doi.org/10.1111/1468-0327.00031>.
22. Fernández-Arias E., Montiel P. The great recession, “rainy day” funds, and countercyclical fiscal policy in Latin America // *Contemporary Economic Policy*. 2011. No. 29 (3). P. 304–322. <https://doi.org/10.1111/j.1465-7287.2010.00244.x>.
23. Georgiou C. Federal fiscal capacity and the challenge of the green transition in the EU // *Journal of European Integration*. 2023. P. 1–17. <https://doi.org/10.1080/07036337.2023.2201699>.
24. Giua M., Pericoli F. M., Pierucci E. EU Cohesion Policy and Inter-regional Risk-sharing: First Evidence and Lessons Learned // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2023. P. 1–26. <https://doi.org/10.1111/jcms.13483>.
25. Golovnin M., Ushkalova D. Russia in international economic institutions: are there contradictions in the regional and global agendas? // *Post-Communist Economies*. 2021. No. 33 (2–3). P. 222–245. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1793592>.
26. Joyce P. G. What’s so magical about five percent? A nationwide look at factors that influence the optimal size of state rainy day funds // *Public Budgeting and Finance*. 2001. No. 21 (2). P. 62–87. <https://doi.org/10.1111/0275-1100.00050>.
27. Knight B., Levinson A. Rainy Day Funds and State Government Savings // *National Tax Journal*. 1999. No. 52 (3). P. 459–472. <https://doi.org/10.1086/NTJ41789735>.
28. López-Santana M., Rocco P. Fiscal Federalism and Economic Crises in the United States: Lessons from the COVID-19 Pandemic and Great Recession // *Publius: The Journal of Federalism*. 2021. No. 51 (3). P. 365–395. <https://doi.org/10.1093/publius/pjab015>.
29. Méliitz J., Zumer F. Regional redistribution and stabilization by the center in Canada, France, the UK and the US: A reassessment and new tests // *Journal of Public Economics*. 2002. No. 86 (2). P. 263–286. [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(01\)00112-8](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(01)00112-8).
30. Ryu S., Cho I., Kim J. Does the Stringency of State Tax and Expenditure Limitations Discourage Political Manipulation in Fiscal Reserves? // *Public Administration Review*. 2021. No. 81 (3). P. 375–388. <https://doi.org/10.1111/puar.13306>.
31. Simmie J., Martin R. The economic resilience of regions: Towards an evolutionary approach // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2010. No. 3 (1). P. 27–43. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsp029>.
32. Sobel R. S., Holcombe R. G. The impact of state rainy day funds in easing state fiscal crises during the 1990–1991 recession // *Public Budgeting and Finance*. 1996. Vol. 16, No. 3. P. 28–48.
33. van Wincoop E. Regional risksharing // *European Economic Review*. 1995. No. 39 (8). P. 1545–1567. [https://doi.org/10.1016/0014-2921\(95\)00003-V](https://doi.org/10.1016/0014-2921(95)00003-V).
34. Vinokurov E. Interaction of Eurasian and international financial institutions // *Post-Communist Economies*. 2021. No. 33 (2–3). P. 265–282. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1793588>.
35. Wang Q. et al. The fiscal effects of U.S. State budget stabilization funds (BSFs): evidence from a meta-analysis // *International Public Management Journal*. 2022. No. 25 (6). P. 980–1004. <https://doi.org/10.1080/10967494.2021.1976331>.
36. van Wincoop E. Welfare gains from international risksharing // *Journal of Monetary Economics*. 1994. No. 34 (2). P. 175–200. [https://doi.org/10.1016/0304-3932\(94\)90048-5](https://doi.org/10.1016/0304-3932(94)90048-5).
37. Wu Y., Shi Y. Does General Fund Balance Stabilize Municipal Expenditure? Evidence from Large American Cities // *International Journal of Public Administration*. 2021. No. 44 (5). P. 420–429. <https://doi.org/10.1080/01900692.2020.1728772>.

References

1. Gurvich E.T., Krasnopeeva N.A. (2020). Analysis of Tax-Spend Nexus for Russian Regional Budgets. *Voprosy ekonomiki*, 2, 5–29 (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-2-5-29>.
2. Gurvich E.T., Sokolov I.A. (2016). Fiscal Rules: Excessive Limitation or Indispensable Instrument of Fiscal Sustainability? *Voprosy ekonomiki*, 4, 5–29 (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-4-5-29>.
3. Zhikharevich B.S., Klimanov V.V., Maracha V.G. (2020). Resistance of the Territory: Concept, Measurement, Governance. *Regional'nye issledovaniya — Regional Studies*, 3 (69), 4–15 (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-3-1>.

4. Izotova A.Yu. (2020). Quantitative Characteristics of the Use of Extra-Budgetary Funds of the Subjects of the Federation of Reserve Focus. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava – Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2, 39–46 (In Russ.). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42472009>.
5. Kudrin A., Deryugin A. (2018). Subnational Budget Rules: Foreign and Russian Experience. *Ekonomicheskaya politika – Economic Policy*, 13, 1, 8–35 (In Russ.). <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-1-01>.
6. Kudrin A.L., Sokolov I.A. (2017). Fiscal Rules as an Instrument of Balanced Budget Policy. *Voprosy ekonomiki*, 11, 5–32 (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-11-5-32>.
7. Kudrin A.L., Sokolov I.A., Suchkova O.V. (2023). Assessing the Impact of Fiscal Rules on the Cyclicity of Government Expenditure. *Voprosy ekonomiki*, 5, 5–22 (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-5-5-22>.
8. Mikhailova A.A., Yagovkina V.A. (2020). Reserve Funds as an Instrument of Anti-crisis Policy. *Finansy – Finance*, 9, 14–20 (In Russ.).
9. Sukharev A.N. (2010). Regional Stabilization Funds in Russia. *Finansy i kredit – Finance and Credit*, 40 (424), 70–76 (In Russ.).
10. Asdrubali P., Sorensen B.E., Yosha O. (1996). Channels of Interstate Risk Sharing: United States 1963–1990. *Quarterly Journal of Economics*. 111 (4), 1081–1110. <https://doi.org/10.2307/2946708>.
11. Buerger C., Reitano V., Sorrentino C. (2022). State fiscal reserves: Supplementation and substitution over economic boom and bust years. *Public Budgeting & Finance*, 42 (1), 98–118. <https://doi.org/10.1111/pbaf.12311>.
12. *Capitalizing on Good Times* (2018). IMF Fiscal Monitor Reports, April. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2018/04/06/fiscal-monitor-april-2018>.
13. Chernick H., Copeland D., Reschovsky A. (2020). The Fiscal Effects of the COVID-19 Pandemic on Cities: An Initial Assessment. *National Tax Journal*, 73 (3), 699–732. <https://doi.org/10.17310/ntj.2020.3.04>.
14. Christopherson S., Michie J., Tyler P. (2010). Regional resilience: Theoretical and empirical perspectives. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 3 (1), 3–10. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsq004>.
15. Cormier C. (2014). Servicing bondholders and defaulting on basic public services: How the current recession is leading US state and local governments to forsake social protection for their residents. *Studies in Political Economy*, 93, 53–80. <https://doi.org/10.1080/19187033.2014.11674964>.
16. Crucini M.J. (1999). On International and National Dimensions of Risk Sharing. *Review of Economics and Statistics*, 81 (1), 73–84. <https://doi.org/10.1162/003465399767923836>.
17. Del Negro M. (1998). Aggregate Risk Sharing Across US States and Across European Countries. *Working Paper, Yale University*. Available at: <http://ftp.itam.mx/pub/investigadores/delnegro/research/rkshuse.pdf>.
18. Douglas J.W., Gaddie R.K. (2002). State rainy day funds and fiscal crises: Rainy day funds and the 1990–1991 recession revisited. *Public Budgeting and Finance*, 22, 1, 19–30. <https://doi.org/10.1111/1540-5850.00063>.
19. Dye R.F. (2004). State Revenue Cyclicity. *National Tax Journal*, 57 (1), 133–145. <https://doi.org/10.17310/ntj.2004.1.07>.
20. Eldredge C.D., Fails M.D. (2022). When do Autocrats Create Sovereign Wealth Funds? *Political Research Quarterly*, 76 (2), 869–881. <https://doi.org/10.1177/10659129221119204>.
21. Fatas A. (1998). Does EMU need a fiscal federation? *Economic Policy*, 13 (26), 164–203. <https://doi.org/10.1111/1468-0327.00031>.
22. Fernández-Arias E., Montiel P. (2011). The great recession, “rainy day” funds, and countercyclical fiscal policy in Latin America. *Contemporary Economic Policy*, 29 (3), 304–322. <https://doi.org/10.1111/j.1465-7287.2010.00244.x>.
23. Georgiou C. (2023). Federal fiscal capacity and the challenge of the green transition in the EU. *Journal of European Integration*, 1–17. <https://doi.org/10.1080/07036337.2023.2201699>.
24. Giua M., Pericoli F.M., Pierucci E. (2023). EU Cohesion Policy and Inter-regional Risk-sharing: First Evidence and Lessons Learned. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 1–26. <https://doi.org/10.1111/jcms.13483>.
25. Golovnin M., Ushkalova D. (2021). Russia in international economic institutions: are there contradictions in the regional and global agendas? *Post-Communist Economies*, 33 (2–3), 222–245. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1793592>.
26. Joyce P.G. (2001). What’s so magical about five percent? A nationwide look at factors that influence the optimal size of state rainy day funds. *Public Budgeting and Finance*, 21 (2), 62–87. <https://doi.org/10.1111/0275-1100.00050>.
27. Knight B., Levinson A. (1999). Rainy Day Funds and State Government Savings. *National Tax Journal*, 52 (3), 459–472. <https://doi.org/10.1086/NTJ41789735>.
28. López-Santana M., Rocco P. (2021). Fiscal Federalism and Economic Crises in the United States: Lessons from the COVID-19 Pandemic and Great Recession. *Publius: The Journal of Federalism*, 51 (3), 365–395. <https://doi.org/10.1093/publius/pjab015>.
29. Méliitz J., Zumer F. (2002). Regional redistribution and stabilization by the center in Canada, France, the UK and the US: A reassessment and new tests. *Journal of Public Economics*, 86 (2), 263–286. [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(01\)00112-8](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(01)00112-8).
30. Ryu S., Cho I., Kim J. (2021). Does the Stringency of State Tax and Expenditure Limitations Discourage Political Manipulation in Fiscal Reserves? *Public Administration Review*, 81 (3), 375–388. <https://doi.org/10.1111/puar.13306>.

31. Simmie J., Martin R. (2010). The economic resilience of regions: Towards an evolutionary approach. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 3 (1), 27–43. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsp029>.
32. Sobel R.S., Holcombe R.G. (1996). The impact of state rainy day funds in easing state fiscal crises during the 1990–1991 recession. *Public Budgeting and Finance*, 1996, 16 (3), 28–48.
33. van Wincoop E. (1995). Regional risksharing. *European Economic Review*, 39 (8), 1545–1567. [https://doi.org/10.1016/0014-2921\(95\)00003-V](https://doi.org/10.1016/0014-2921(95)00003-V).
34. Vinokurov E. (2021). Interaction of Eurasian and international financial institutions. *Post-Communist Economies*, 33 (2–3), 265–282. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1793588>.
35. Wang Q. et al. (2022). The fiscal effects of U.S. State budget stabilization funds (BSFs): evidence from a meta-analysis. *International Public Management Journal*, 25 (6), 980–1004. <https://doi.org/10.1080/10967494.2021.1976331>.
36. van Wincoop E. (1994). Welfare gains from international risksharing. *Journal of Monetary Economics*, 34 (2), 175–200. [https://doi.org/10.1016/0304-3932\(94\)90048-5](https://doi.org/10.1016/0304-3932(94)90048-5).
37. Wu Y., Shi Y. (2021). Does General Fund Balance Stabilize Municipal Expenditure? Evidence from Large American Cities. *International Journal of Public Administration*, 44 (5), 420–429. <https://doi.org/10.1080/01900692.2020.1728772>.

Информация об авторах

Евгений Николаевич Тимушев, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра региональной политики Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, г. Москва; старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

Вита Александровна Яговкина, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра региональной политики Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, г. Москва

Information about the authors

Evgeny N. Timushev, Candidate of Economic Sciences, Senior Research Fellow of Center for Regional Policy, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow; Senior Research Fellow in Institute of Socio-Economic and Power Problems of the North, Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktuykar

Vita A. Yagovkina, Candidate of Legal Sciences, Docent, Leading Researcher of Center for Regional Policy, Institute of Applied Economic Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow

Статья поступила в редакцию 19.07.2023
Одобрена после рецензирования 08.09.2023
Принята к публикации 05.10.2023

Article submitted July 19, 2023
Approved after reviewing September 8, 2023
Accepted for publication October 5, 2023